

АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: ПРИСТАВКИ И СУФФИКСЫ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ НОВЫХ СЛОВ

Урунова Фируза Хайдаровна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Койилова Осиё

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию аффиксального словообразования как динамического механизма языковой креативности. В работе анализируется, как приставки (префиксы) и суффиксы, выполняя формальную функцию изменения лексического значения или грамматического статуса слова, одновременно выступают в роли инструментов концептуализации, позволяющих языку адаптироваться к новым реалиям, выражать тончайшие оттенки субъективной оценки и формировать уникальные семантические поля. Автор обращается к исторической морфологии славянских и германских языков, а также к современным процессам неологии, рассматривая аффиксацию не как механическое присоединение морфем, а как живой творческий акт, в котором говорящий преобразует материю языка подобно скульптору. Особое внимание уделяется феномену «семантического дрейфа» при префиксации (например, как приставка *пере-* может инвертировать действие) и «эмоционального заряда» при суффиксации (уменьшительно-ласкательные и уничижительные формы как отражение национального темперамента). В финале статьи выдвигается гипотеза о том, что аффиксальное словообразование является важнейшим индикатором «языкового здоровья»: в периоды культурных подъемов оно становится гиперпродуктивным, а в эпохи застоя — консервируется, уступая место аналитическим конструкциям.

Ключевые Слова: аффиксация, словообразование, префикс, суффикс, дериватология, языковая креативность.

Существует негласная, но оттого не менее глубокая истина, которую остро чувствуют поэты и редко формулируют лингвисты: язык никогда не бывает завершенным. Он не походит на изящно сработанный механизм,

где каждая деталь притерта к другой и навеки застыла в своей функции. Скорее, язык напоминает бесконечно разветвляющееся дерево, чьи корни уходят в доисторический мрак, а тончайшие ветви каждый день прорастают новыми почками — аффиксами, которые с поразительной настойчивостью лепят из старых корней новые смыслы. Человек, произносящий незнакомое слово, редко задумывается о том, что он присутствует при чуде: из инертной материи звука и значения рождается нечто, чего минуту назад не существовало в языке. И главными волшебниками в этом таинстве являются приставки и суффиксы — те самые аффиксы, которые школьная грамматика привыкла описывать как «значимые части слова», лишая их тем самым их истинной, почти магической природы.

Вглядимся пристальнее в то, как устроена эта фабрика новых имен и действий. В основе каждого акта аффиксального словообразования лежит парадокс: нечто новое создается из старого не путем отрицания или разрушения, а через достраивание, приращение, обертонивание. Всякий суффикс, будь то уменьшительный *-ик*⁷³ в русском языке или абстрагирующий *-ness* в английском, работает как линза, через которую говорящий может рассмотреть знакомый предмет в неожиданном ракурсе. Возьмем, к примеру, простое русское слово «дом». Присоединяя к нему суффикс *-ик*, мы получаем «домик» — и вместе с этим не просто указываем на малый размер, но привносим оттенок уюта, интимности, почти одушевленной трогательности. Суффикс *-ище* превращает тот же корень в «домище» — грубоватое, неуклюжее, но исполненное некой богатырской мощи. А приставка *от* * - (приставка, пишущаяся слитно?)* — простите, само слово «приставка» уже содержит в себе свою противоположность: *при-* означает приближение, тогда как **от-** означает удаление. Если же мы добавим к корню *дом* суффикс **-овн-**, получится архаичное «домовный» (печальный о покинутом доме), а если префикс *без-* и суффикс **-н-**, возникнет «бездомный» — и перед нами уже не архитектурный объект, а трагическая человеческая судьба.

1. ⁷³ Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1986. (Использована концепция суффиксов субъективной оценки как средства выражения эмоциональных отношений говорящего, а также разграничение формальных и семантических аффиксов).

Классическая работа лингвиста начала XX века, изучавшего механизмы русской деривации, содержала принципиально важную мысль, которую можно переформулировать следующим образом: словообразовательные аффиксы не просто меняют значение производящей основы, но каждый раз заново определяют ее онтологический статус. Суффиксы субъективной оценки, например, переводят предмет из мира объективной реальности в мир эмоциональных отношений между говорящим и этим предметом. Когда ребенок называет кошку «кошечкой», он не сообщает ничего нового о ее биологических параметрах, но зато выстраивает целую вселенную нежности, где законы зоологии отступают перед законами любви. Это наблюдение, впервые систематически представленное в трудах академика В.В. Виноградова, позволяет утверждать, что аффиксация служит не столько номинативным, сколько экспрессивным и прагматическим целям.

Суффиксы существуют в языке как бы в двух ипостасях. Одни из них — формальные, грамматикализованные, почти незаметные — служат для перевода слова из одной части речи в другую. Таков, например, суффикс *-ость*, превращающий прилагательное «новый» в абстрактное существительное «новость», или приставка **за-**, которая из глагола несовершенного вида «ходить» делает совершенный «заходить». Эти аффиксы близки к флексиям: они работают на пределе автоматизма, и говорящий почти не осознает их как отдельные значимые единицы. Другие же — семантически нагруженные, полновесные — вносят в слово самостоятельный лексический вклад. Приставка *пред-* в глаголе «предвидеть» добавляет значение временной предшественности; суффикс *-тель* в существительном «учитель» указывает на деятеля, носителя активного начала. Между этими двумя полюсами располагается огромное пространство переходных случаев, где формальное и семантическое переплетены так тесно, что их разделение становится делом аналитического произвола.

Историческая изменчивость аффиксальных систем демонстрирует удивительную закономерность: языки, которые по тем или иным причинам утрачивают продуктивность аффиксального словообразования, как правило, компенсируют этот дефицит развитием сложных синтаксических конструкций и аналитических оборотов. В этом смысле можно говорить о некоем «энергетическом балансе» языка. Перефразируя идеи исследователя Э. Сепира, который размышлял о типологической

динамике, заметим: язык, склонный к агглютинации и аффиксации, демонстрирует тенденцию к сжатию, где множество смыслов спрессовывается в ограниченном линейном пространстве слова. Напротив, аналитические языки предпочитают расширять слово в цепочку, разделяя смыслы между несколькими самостоятельными лексемами. Русский язык занимает в этой типологической палитре уникальное место: сохранив богатую аффиксальную систему, он одновременно развил и сложные аналитические конструкции. Именно это «двоемирие» создает ту бездну выразительных возможностей, которую воспевали поэты от Ломоносова до Хлебникова.

Особую роль в аффиксальном словообразовании играют суффиксы, передающие оценочные и эмоциональные значения. Ни один другой языковой механизм не позволяет говорящему столь тонко и нюансированно выразить свое отношение к предмету речи. Взять, например, знаменитые русские суффиксы субъективной оценки. Они образуют целые синонимические ряды, где каждый член отличается от другого едва уловимым оттенком: «девка» (пренебрежительное, фамильярное), «девчонка» (часто с оттенком жалости или осуждения), «девушка» (нейтральное уважительное), «девица» (стилизованное, архаичное), «девочка» (ласкательное). Французский лингвист, анализировавший славянские языки в середине XX века, пришел к выводу, который можно изложить так: ни один из романских языков не располагает столь дифференцированной системой экспрессивных суффиксов; русский язык в этом отношении приближается скорее к некоторым тюркским и финно-угорским языкам, где аффиксальное выражение эмоций доведено до виртуозности. Но в отличие от тюркских языков, где аффиксы эмоциональной оценки часто грамматикализованы обязательным образом, в русском языке использование таких суффиксов остается факультативным — и потому каждый их выбор становится сознательным эстетическим или коммуникативным актом.

Префиксация, в свою очередь, работает с иной логикой. Если суффиксы преимущественно уточняют, конкретизируют, оценивают, то приставки чаще всего меняют направление действия, его полноту, его фазовую характеристику, его пространственную ориентацию. Возьмем классический пример: от глагола «писать» с помощью приставок можно образовать множество производных, каждое из которых рисует особую картину действия. «Написать» — довести действие до конца, создать

законченный текст; «записать» — зафиксировать звук или мысль на материальном носителе; «надписать» — поместить текст поверх чего-либо; «подписать» — поставить автограф внизу документа; «выписать» — перенести часть текста наружу или восстановить утраченное; «переписать» — повторить действие заново, часто с целью исправления; «отписать» — либо прекратить писать, либо написать формальное возражение; «списать» — воспроизвести чужое с незначительными изменениями или в учебных целях. Этот список можно продолжать почти до бесконечности, и каждый новый префикс открывает новую смысловую грань, неведомую корневому глаголу. Глубокий исследователь русской глагольной приставки, чьи труды легли в основу современной дериватологии, сформулировал идею, которую уместно воспроизвести в следующем виде: пространственные значения приставок (*в-, вы-, за-, от-, пере-, под-, при-, про-, у-* и так далее) являются первичными, а все остальные — временные, результативные, модальные — возникают как метафорические расширения этих пространственных схем⁷⁴. Язык мыслит движение в пространстве как прототип любого изменения — и приставки оказываются картой этого бесконечного передвижения смыслов.

Интереснейший пласт аффиксального словообразования представляют собой так называемые «конфиксы» или «циркумфиксы» — случаи, когда новое слово образуется одновременным добавлением приставки и суффикса. Русский язык не столь богат такими моделями, как, скажем, немецкий с его *ge...t* для образования причастий, но они существуют. Классический пример: «подорожник» (от *дорога* — приставка **по-** и суффикс *-ник*), «подоконник» (от *окно* — приставка *под-* и суффикс *-ник*), «бездущный» (от *душа* — приставка *без-* и суффикс **-н-**). В этих случаях значение не сводится к простой сумме значений приставки и суффикса, взятых по отдельности. «Подоконник» — это не просто нечто, находящееся «под окном» и одновременно являющееся «предметом» (благодаря суффиксу *-ник*), а

1. ⁷⁴ Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. (Применена теория окказионального словообразования и продуктивности аффиксальных моделей, в том числе анализ детского словотворчества как доказательства активного усвоения деривационных правил).

неразложимое целое, устойчивое понятие. Такие конфиксальные образования демонстрируют, что словообразовательный акт — это не механическое сложение, а синтез, органическое сращение частей в новое единство, чья внутренняя форма со временем может полностью затемняться, превращаясь в фразеологически связанное целое.

Аффиксальное словообразование всегда было и остается главным поставщиком неологизмов. В моменты культурных переломов, технологических революций, социальных катаклизмов именно к аффиксации обращается язык, чтобы окрестить новые реалии. В двадцатые годы прошлого века, например, в русском языке возник целый вал производных слов с сохранявшимися доселе на периферии приставками *меж-* («межпланетный»), *сверх-* («сверхчеловек»), *супер-* («супермен» — хотя само это слово вошло через транслитерацию). Суффиксы *-тель* и *-щик* массово производили названия новых профессий: «летчик», «ударник», «съемщик». Лингвист Р.О. Якобсон в своих работах о языковой динамике подчеркивал мысль, которую можно пересказать так: продуктивность аффиксальных моделей служит надежным индикатором жизнеспособности языка; когда язык сталкивается с необходимостью описать принципиально новую область опыта (технику, политику, искусство), он сначала пробует заимствовать иностранные слова, но если заимствования захлестывают его, он включает внутренние аффиксальные ресурсы и начинает перерабатывать чужой материал по своим правилам, создавая гибридные образования. Именно это происходило с русским языком петровской эпохи, когда голландские, немецкие и французские термины обрастали русскими суффиксами и приставками, превращаясь в «верфь», «гаванец», «интересный» — слова, которые сегодня уже не воспринимаются как заимствования.

Для языкотворчества писателей и поэтов аффиксация представляет собой неисчерпаемый источник выразительности. Нет, пожалуй, ни одного крупного писателя, который не экспериментировал бы с созданием окказиональных слов путем необычного комбинирования аффиксов. Велимир Хлебников, быть может, самый радикальный из них, строил целые поэтические системы на словотворчестве, где корни были общими для множества слов, а аффиксы — уникальными, придуманными заново. Он создавал слова, которые не вошли в общий язык, но которые демонстрируют сам принцип аффиксального творчества в его чистом, почти математическом виде: «смехачи», «смеюнчики», «смеево», «усмех»

— от одного корня *смех* с помощью разных суффиксов рождаются десятки слов, каждое из которых намечает новую траекторию смысла. Критик Ю.Н. Тынянов, анализирувавший словотворчество футуристов, пришел к выводу, который можно пересказать следующим образом: аффиксальный окказионализм — это не произвол, а высвобождение потенциальных возможностей, заложенных в языковой системе; поэт не нарушает законы словообразования, а реализует те модели, которые существуют в языке как возможности, но по тем или иным причинам не были востребованы узусом. Иными словами, новаторство Хлебникова и его соратников состояло не в изобретении новых аффиксов (хотя и это случалось), а в соединении старых аффиксов с такими корнями, с которыми они прежде не соединялись, или в использовании продуктивных моделей с необычной частотой.

Противоположный полюс аффиксальной креативности представляет собой не поэтическое, а бытовое словотворчество — детское и «народно-этимологическое». Ребенок, осваивая язык, постоянно изобретает новые слова по аналогии с уже усвоенными моделями: «намакаронился» (наелся макарон), «кусарик» (сухарик, который кусают), «выдуматель» (тот, кто выдумывает). В этих детских неологизмах с особой наглядностью выступает та внутренняя форма слова, которая у взрослого носителя языка затемнена привычностью. Ребенок, как и поэт, мыслит аффиксами как инструментами, а не как застывшими придатками. Исследователь детской речи конца XX века сформулировал наблюдение, которое стоит пересказать: детское словотворчество доказывает, что аффиксальные модели усваиваются раньше, чем конкретные лексические единицы⁷⁵; ребенок сначала овладевает правилом («чтобы назвать деятеля, надо к глаголу добавить *-тель*»), а затем может применить это правило к любому глаголу, даже к тому, для которого в языке существует иное, неправильное или исключительное образование. Этот факт имеет далеко идущие последствия для понимания природы языка: аффиксация — это не просто исторический слой, доставшийся нам от предков, а живая,

2. ⁷⁵ Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 1968.

(Использован тезис о том, что аффиксальная ассимиляция служит главным критерием освоенности заимствования, а также анализ интернациональных суффиксов).

действующая в данный момент когнитивная операция. Каждый раз, произнося слово с узнаваемым аффиксом, говорящий совершает микроакт творчества — пусть даже он делает это неосознанно.

Интереснейшие процессы происходят в зоне взаимодействия аффиксации и заимствования. Когда язык заимствует иноязычное слово, он редко оставляет его в первозданном виде. Чаще оно адаптируется не только фонетически, но и морфологически: обрастает суффиксами и приставками принимающего языка, а иногда утрачивает свои исконные аффиксы. Английское *computer* превращается в русском не в «компьютер» как неизменяемую основу, а в слово, которое способно принимать русские падежные окончания — по сути, тоже своего рода аффиксы, только флективные. Кроме того, от заимствованного корня могут быть образованы производные с помощью исконных суффиксов: «компьютерный», «компьютеризация», «компьютерщик». В этом процессе наиболее активны так называемые «интернациональные суффиксы» — *-изм*, *-ист*, *-ация*, **-ер**, которые мигрируют из языка в язык, сохраняя относительное постоянство формы и значения. Лингвист Л.П. Крысин, исследуя иноязычные заимствования в русском языке, пришел к выводу, который можно сформулировать так: аффиксальная ассимиляция заимствования — это главный показатель его «приручения» языком; слово не считается полностью своим, пока от него нельзя образовать производные с помощью исконных аффиксов⁷⁶. По этому критерию, например, слово «интернет» еще не до конца освоено (хотя «интернетный» уже встречается), тогда как «компьютер» освоено полностью, поскольку от него образовано множество дериватов.

Нельзя обойти вниманием вопрос о продуктивности аффиксов. Это понятие, введенное в лингвистический обиход еще в первой половине XX века, обозначает способность аффикса образовывать новые слова в актуальной речи. Продуктивность бывает разной: есть аффиксы, которые работают «на полную мощность» (как русский суффикс *-ова-* в глаголах или английский *-er*), а есть «мертвые», «непродуктивные» аффиксы,

3. ⁷⁶ Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 1968.

(Использован тезис о том, что аффиксальная ассимиляция служит главным критерием освоенности заимствования, а также анализ интернациональных суффиксов).

которые сохранились лишь в небольшом числе старых слов и больше не участвуют в создании новых. Примером такого «окаменевшего» аффикса может служить древний суффикс *-дь* в русском языке, образующий отвлеченные существительные («пастьба», «молотьба», «женитьба», «ходьба»), — сегодня эту модель нельзя распространить на новые глаголы (никто не скажет «питьба» или «естьба», хотя логика языка это допускает). Причины утраты продуктивности могут быть разными: фонетическое разрушение, семантическое сужение, конкуренция с другими аффиксами, изменение словообразовательных парадигм. Исследователь исторической морфологии Н.М. Шанский, описывая это явление, выдвинул мысль, которую можно изложить так: непродуктивные аффиксы — это археологические слои языка; их изучение позволяет заглянуть в те эпохи, когда языковое сознание было устроено иначе, когда иные (сегодня неочевидные) связи между корнями и аффиксами казались естественными и регулярными⁷⁷.

Современная неология ставит перед аффиксальным словообразованием новые вызовы. Интернет-коммуникация, с ее установкой на экономию усилий и одновременную экспрессивность, породила целый ряд аффиксальных инноваций, которые еще не зафиксированы словарями, но уже существуют в речевой практике. Среди них — продуктивные суффиксы, пришедшие из жаргона и мемов: *-ач* как маркер уничижительной профессионализации («бухач», «гугляч»), *-щина* для обозначения неприемлемого массового явления («фейсбукщина», «трешщина»), приставка *нано-* для обозначения чего-то сверхмалого или иллюзорно-научного («нанотехнологии» → «нанофигня»). Этот процесс демонстрирует, что аффиксация остается живым, отзывчивым механизмом, способным мгновенно реагировать на запросы меняющейся коммуникативной среды. Филолог М.Н. Эпштейн, размышляя о языковом творчестве в цифровую эпоху, подчеркивал идею, которую уместно пересказать в следующем виде: интернет создал ситуацию «демократизации словотворчества», где любой пользователь может стать автором неологизма, и если этот неологизм отвечает глубинным структурным тенденциям языка, он может распространиться

⁷⁷ Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: Издательство МГУ, 1968.

(Применена теория продуктивных и непродуктивных аффиксов, а также концепция «археологических слоев» в морфемной структуре слова

со скоростью вируса, не нуждаясь в санкции академических институций.

В филологической традиции сложилось устойчивое, хотя и не всегда высказываемое вслух убеждение: аффиксальное словообразование — это своего рода «лакмусовая бумажка» для определения языкового чутья носителя. Тот, кто легко и уместно образует новые слова с помощью аффиксов, — владеет языком активно, «изнутри»; тот, кто избегает таких образований и пользуется только готовыми словами, — владеет языком пассивно, как набором ярлыков. Возможно, в этом различии кроется объяснение того, почему одни люди становятся поэтами и остроумцами, а другие — нет. Язык, данная нам стихия, приглашает нас к сотворчеству, и аффиксы суть те инструменты, которые он кладет в наши руки. Каждый суффикс — это только что выкованный резец; каждая приставка — это свежий слой краски на палитре. И когда мы соединяем их с корнями, мы делаем нечто большее, чем просто производим лексическую единицу. Мы утверждаем себя как существа говорящие, как хозяев — пусть временных и несовершенных — этого великого космоса, имя которому язык.

Памятуя об этом, уместно завершить наш обзор не академическим резюме, а обращением к двум платоновским образам, которые на удивление точно описывают природу аффиксального творчества. Платон в одном из своих диалогов сравнивал творца-демиурга с тем, кто накладывает формы на бесформенную материю. Аффикс — это та самая форма, которая из хаоса корневого значения извлекает упорядоченный, расчлененный, видимый смысл. Платон же в другом месте говорил о том, что подлинный творец не создает ничего нового в строгом смысле, а лишь вспоминает то, что уже есть в вечности. Так и аффиксальное словообразование: слово, которое мы образуем сегодня, — «заново», «призадуматься», «выскакивать» — уже существовало как потенция в языковой системе. Мы его не изобретаем, мы его вынашиваем и рождаем на свет, повинувшись внутреннему ритму языка, который, в свою очередь, есть ритм самого человеческого мышления. В этом смысле аффиксы — это не просто лингвистические единицы. Это дыхание языка, его пульс, его вечная способность умирать и воскресать в каждом новом сказанном слове.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1986. (Использована концепция суффиксов

субъективной оценки как средства выражения эмоциональных отношений говорящего, а также разграничение формальных и семантических аффиксов).

2. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. (Применена теория окказионального словообразования и продуктивности аффиксальных моделей, в том числе анализ детского словотворчества как доказательства активного усвоения деривационных правил).

3. Якобсон, Р. О. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. (Переформулирована идея о связи продуктивности аффиксов с культурно-историческими периодами языкового развития и о роли аффиксации в адаптации заимствований).

4. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 1968. (Использован тезис о том, что аффиксальная ассимиляция служит главным критерием освоенности заимствования, а также анализ интернациональных суффиксов).

5. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. (Переформулированы выводы о словообразовательных экспериментах футуристов, где аффиксальный окказионализм трактуется как реализация латентных возможностей языковой системы).